

С. В. КОНДРАТЬЕВ
Тюменский университет

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ТРАКТОВКЕ ЮРИСТОВ ОБЩЕГО ПРАВА ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ*

В начале XVII в. в публичных выступлениях английского короля Якова I нередко можно было услышать сетования на то, что его подданные берут на себя смелость обсуждать действия монарха и его полномочия. Сам он полагал, что монархическая система правления имеет божественное происхождение, а государи «восседают» на троне Бога и своим правлением повторяют (to imitate) на земле Бога и Христа¹. Поэтому король неизменно отстаивал мысль о том, что подобное поведение подданных недопустимо, должно пресекаться и даже преследоваться. «По известной мне священной (infallible in divinity) максиме, нельзя обсуждать, что Бог может совершить. На то Его воля, открытая в Его слове, которым он связал Себя. Поэтому нельзя обсуждать и то, что может делать король, но следует только наблюдать за деяниями, которые он совершает», — говорил Яков I, выступая перед парламентом в 1610 г.² Спустя шесть лет, требуя в Звездной Палате от судей общего права «притуплять острые и едкие языки некоторых адвокатов (some lawyers at the bar), которые думают, что они будут смотреться недостаточно красноречивыми и смелыми, если не затронут королевскую прерогативу», он выразил свою мысль еще более определенно: «Атеизм и богохульство — обсуждать то, что может совершить Бог. Добрый христианин поверяет себя его воле, открытой в его слове. Поэтому гордыней и высокомерием у подданных должна считаться попытка рассуждать на тему: король может это, но не может то. Ибо им дана воля короля, открытая в его законе (law)»³.

Видимо, не случайно корона и ее должностные лица пытались заставить Эд. Кока сначала исправить свои отчеты в той их части, в которой поднимался вопрос о королевской прерогативе, полномочиях церкви, юрисдикции судов и вольностях подданных, а после смерти знаменитого юриста просто изъяли все его бумаги⁴.

Сергей Витальевич Кондратьев, д.и.н., профессор, декан факультета истории и политических наук, заведующий кафедрой новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — история политической и правовой мысли Европы, проблемы европейской модернизации, история мировых цивилизаций.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-03-18346а)

¹ King James VI and I. Political Writings / Ed. by J. Sommerville. Cambridge, 1994. P. 204-295.

² Ibid. P. 181.

³ Ibid. P. 213-214.

⁴ См. переписку Ф. Бэкона с Т. Эллесмером и Яковом I за 1615–1616 гг.: Bacon F. The Works of F. Bacon / Ed. By J. Spedding. L., 1872. Vol. 13. P. 76-77, 79-82, 88-89, 90-93, 94-96; Sharpe K. The Personal Rule of Charles I. New Haven, 1992. P. 656-657.

Итак, мы имеем личное признание одного из первых Стюартов, что данная проблематика действительно стала для их современников необычайно актуальной. Подданные в парламенте и судебных органах, иногда специально оговариваясь, что не намерены касаться королевской прерогативы, принимались тем не менее дискутировать по поводу властных полномочий короны⁵. Корона иногда издавала прокламации, запрещающие делать это. Как сказано в одном анонимном диалоге: «Прокламация призвана только ограничивать шипящие голоса отдельных недоброжелателей, которые считают, что величайшая слава (greatest glory) заключается в том, чтобы порицать деяния стоящих над ними и искать во всем поводы к неудовольствию»⁶. Это была, как видно, реальная проблема, ибо в течение всего правления Тюдоров сила государства возрастала, а противостоящая ему сила общества ослабевала. В отечественной историографии принято считать, что укрепление публично-правового характера королевской власти и усиление государственного контроля над жизнью общества сопровождалось становлением абсолютистской идеологии⁷.

Что касается англо-американской исторической науки, то там эта проблема решается не столь однозначно. Сам по себе факт усиления королевской власти в течение XVI века признается всеми. Появление целого ряда новых учреждений — Звездной Палаты, Высокой Комиссии, Палаты Прошений, Советов Севера и Уэльса — не оставляет никаких сомнений в этом. Кроме того, при первых Тюдорах корона начинает восприниматься дворянством как единственный источник жизненных благ, служба которой только и можно сделать карьеру, получить должность и, наконец, поправить свои финансовые дела. Именно тогда бывшая королевская ставка (Household) начинает превращаться в королевский двор (Court) и обретать притягательность в глазах искателя удачи из числа джентри. Именно тогда начинает складываться клиентельно-патронатная система, через которую в дальнейшем делались карьеры, формировалась политика правительства, осуществлялось согласование интересов и в значительной степени реализовывалось парламентское представительство. Наконец, именно тогда начинает создаваться королевский культ с соответствующим этикетом и ритуалом⁸. Конечно, все выше и вскользь упомянутое не достигло французс-

⁵ Такая оговорка, например, встречается в выступлении Хемфри Мея в парламенте 1628 г. см.: *Commons Debates 1628* / Ed. By R. C. Johnson, M. F. Keeler, M. J. Cole and W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 271

⁶ A dialogue between Phileleuteros or a parliament man, and Philopolites a lover of his country; or Motives to induce an annual parliament / Ed. by P. Croft // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 1986. Vol. 59. P. 164. Автор диалога неизвестен. Английская исследовательница Полин Крофт, которая издала его, полагает, что диалог был написан между 1614 и 1621 гг., а автором диалога мог быть один из юристов, который являлся членом «Антикварного общества», например, Г. Спелман, У. Хаквилл и Дж. Уайтлок. См.: Croft P. *Annual Parliaments and the Long Parliament* // *Ibid*. P. 159-162.

⁷ Штокмар В. В. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор // Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 17. Л., 1950. С. 223-248; Каменецкий Б. А. Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI века и ее особенности // *Вопросы истории*. М., 1969. №8. С. 77-90; Он же. Идеиная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI-начало XVII вв.). Политико-юридический аспект // *Средние века*. М., 1980. Вып. 43. С. 162-190; История буржуазного конституционализма XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 66-71; Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: Этические и политические идеи в Англии. М., 1985. С. 100-141.

⁸ Кондратьев С. В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. Гл. I; Он же. Политика и политические элиты в предреволюционной Англии // *Англия XVII века* / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1994. С. 17-32. В примечаниях к обеим работам можно найти соответствующую историографию. Назовем еще одну работу, которая была нам недоступна ранее: *The Mental World of the Jacobean Court* / Ed. by L. L. Peck. Cambridge, 1991.

кого размаха. Но рост аппарата управления, штатов двора, государственных и личных расходов монархов не остался незамеченным современниками.

А что же происходило в сфере идей? Формировалась ли абсолютистская идеология? Какие ее компоненты характерны для Англии? До какой степени сами монархи придерживались идей абсолютизма? Среди специалистов отсутствует единство при ответе на эти вопросы. Прежде всего, отмечается, что еще от Д. Фортескую осталась традиция классифицировать монархическую форму правления как исторически существующую в двух видах: «монархии королевской» (*dominium regale*) и «монархии политической и королевской» (*dominium politicum et regale*). Для монархии первого вида характерно единоличное правление короля, принятие им законов и введение налогов по собственному усмотрению. Для второго вида, который существует в Англии, характерно принятие, изменение законов и введение налогов с согласия подданных, которые представлены в парламенте. Как когда-то Полибий именовал Римскую республику «смешанным правлением», так Фортескую политическое устройство Англии называет «смешанным», ибо король здесь управляет совместно с лордами и общинами. В обычное время страна управляется посредством *dominium politicum et regale*. В кризисные периоды — войны, мятежи — король может пренебречь общим правом. Его управление становится единоличным — *regale*⁹. Как считает Д. Гай, Д. Фортескую развил идею, начало которой было положено решением судей от 1292 г., гласившим: «Когда того требует общая польза, королевская прерогатива может стоять выше законов и обычаев, в мирное время признаваемых в королевстве»¹⁰.

В ходе проведения Реформации в Англии Генрих VIII начал определять королевские полномочия как *imperium*, под которым понимал полную, суверенную власть над светской и церковной сферами и которой к тому же английские короли наделены самим Богом. Уже тогда такое расширительное толкование королевской власти вызвало возражение. Известный юрист первой половины XVI века Кристофер Сент-Джермен заявил, что король владеет *imperium* не как «заместитель Бога» на земле, но как «король в парламенте». И только вместе с парламентом король обладает «верховой суверенной властью над народом»¹¹.

Таким образом, специалисты говорят о появлении отдельных компонентов абсолютистской идеологии уже при первых Тюдорах. Однако, по мнению Д. Дейли и Д. Соммервилля, в Англии XVI-начала XVII вв. так и не сложилось какой-то одной, признанной всеми концепции абсолютизма. Использование термина «абсолютизм» было многовариантным¹². Д. Соммервилл, стремясь определить основные компоненты абсолютистской идеи, выделяет следующее: государь свободен от ответственности за свои действия перед подданными, ибо его власть имеет божественное происхождение. Он — создатель и главный истолкователь человеческих законов. Его власть — абсолютна, или суверенна. Одновременно Д. Соммервилл отмечает, что отдельные элементы абсо-

⁹ Сапрыкин Ю. М. Цит. соч. С. 61-63; Guy J. The «Imperial Crown» and the Liberty of the Subject: The English Constitution from Magna Carta to the Bill of Rights // Court, County and Culture / Ed. by B. Y. Kunze, D. D. Brautigam. Rochester, 1992. P. 67.

¹⁰ Guy J. Op. cit. P. 66.

¹¹ Ibid. P. 67-69.

¹² Daly J. Cosmic harmony and political thinking in early Stuart England // Transactions of American philosophical society. Philadelphia, 1979. Vol. 69. Pt. 7. P. 1-41; Sommerville J. P. Absolutism and royalism // Cambridge History of Political thought, 1450-1700 / Ed. By J. H. Burns. Cambridge, 1991. P. 347-350.

лютистской системы взглядов можно встретить и у противников абсолютизма. Например, в Англии многие оппоненты Стюартов признавали тем не менее божественное происхождение королевской власти, но отказывали королю в праве единолично изменять установленные законы. Кроме того, Д. Соммервилл считает необходимым выделять не только абсолютистов, как последовательных сторонников определенной системы взглядов, но и роялистов — людей, которые не принимали отдельные элементы абсолютистской доктрины, но всегда поддерживали корону в различных предреволюционных дискуссиях, а затем и в столкновениях гражданской войны¹³.

Исследователи считают необходимым отметить и другие составляющие абсолютистской идеи в Англии. Б. Ливек показал, что английские абсолютисты находились под влиянием традиции римского права. В особенности двух известных положений Ульпиана, вошедших в «Дигесты»: «то, что угодно государю, имеет силу закона» (D. 1.4.1.), «государь свободен от соблюдения закона» (D. 1.3.31)¹⁴. Д. Скочет указал на присутствие патриархального компонента в абсолютистской идеологии, когда король сравнивался с отцом семейства и тем самым получал безоговорочные полномочия распоряжаться жизнью и имуществом своих детей — подданных¹⁵. Кроме того, отмечается влияние работы Жана Бодена «Шесть книг о Государстве», переведенной в Англии в 1606 г., где было изложено учение о суверенитете¹⁶. М. Мендл пишет, что большинство политических писателей предреволюционной Англии склонны были по большей части отождествлять термины «абсолютизм» и «суверенитет»¹⁷.

Казалось бы, наиболее последовательными проводниками абсолютистской идеи должны быть сами монархи. Известно, что первый Стюарт на английском троне был довольно плодовитым писателем, затронувшим самые разные сюжеты — от политики до демонологии. Судя по политическим трактатам и публичным выступлениям, позиция английского короля Якова I в высшей степени амбивалентна. Мы уже видели, что он выступал в защиту завоевательной теории происхождения государственной власти. Считал короля наместником Бога на земле и запрещал подданным обсуждать политические шаги монарха. Можно добавить к этому еще то, что во время его царствования начали чеканить монету, на которой он предстает изображенным в виде римского

¹³ Sommerville J. P. Absolutism and royalism... P. 348-349.

¹⁴ Levack B. The Civil lawyers in England, 1603-1641. A Political study. Oxford, 1973. P. 86-117; Idem. Law and Ideology: The Civil Law and Theories of Absolutism in Elizabethan and Jacobean England // The Historical Renaissance. New Essays on Tudor and Stuart Literature and Culture / Ed. by H. Dubrow and R. Strier. Chicago, 1988. P. 225.

¹⁵ Schochet G. J. Patriarchalism in political thought: the authoritarian family and political speculation and attitudes especially in seventeenth-century England. Oxford, 1975.

¹⁶ Kelly D. R. Elizabethan Political Thought // The Varieties of British Political Thought, 1500-1800 / Ed. By J. G. A. Pocock. Cambridge, 1992. P. 50-51. Видимо, данное Ж. Боденом определение суверенитету как власти, «не связанной собственными законами и не подчиняющейся никакой внутренней или внешней политической силе», повлияло на складывание абсолютистской идеологии в Англии. О взглядах Ж. Бодена см.: История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. С. 60.

¹⁷ Mendle M. The Great Council of Parliament and the First Ordinances: The Constitutional Theory of the Civil War // Journal of British Studies L., 1992. № 31. P. 133-162. Мичел Мендл отмечает, что в ходе гражданской войны на суверенитет как высшую, никому не подчиненную власть начнет претендовать Долгий парламент. Представления о парламенте как носителе суверенной власти будут использоваться в идейной борьбе с короной. Об этом пишет и Д. Соммервилл, см.: Sommerville J. P. Absolutism and royalism... P. 349.

¹⁸ Peck L. L. An Introduction // The Mental World of the Jacobean Court... P. 5.

императора¹⁸. Кроме того, он сравнивал короля с головой тела и главой семьи, а подданных — с членами тела и детьми. Он допускал, что отец может быть чрезмерно суров со своими детьми, но сопротивляться ему, восставать против него с оружием в руках — значит идти против естественного права и порядка, установленного Богом. Возможна ситуация, полагает Яков I, когда глава вынужден бывает отсечь один из «больных» органов во имя сохранения всего тела. Но что это будет за тело, от которого отсекут голову? Такой вопрос задает он читателю своего трактата «Истинный закон свободных монархий» и предоставляет ему самому возможность дать надлежащий ответ¹⁹.

Яков I специально рассматривал проблему соотношения власти короля и положений права. Он пишет, что справедливый государь никогда не отнимет жизнь у подданного, если на то нет «ясного указания закона». Но все законы «изданы либо им самим, либо его предшественниками». Все «добрые и справедливые государи время от времени издают новые законы». И далее: «Я не отвергаю старую дефиницию о короле и праве, которая гласит: король есть говорящий закон, а закон — есть безмолвствующий король. Ибо, конечно же, Богу не угоден король, который правит не по закону, такой король не будет иметь счастливого царствования. И хотя истинно то, что... король выше права, как автор и создатель его, но все-таки добрый король не только с удовольствием управляет своими подданными по закону, но даже сверяет свои действия с ним, всегда считая, что здоровье (health) государства является для него высшим законом»²⁰.

В 1628 г. его сын, Карл I, выступая перед парламентом, говорил, что «королевская прерогатива состоит в том, чтобы защищать народные вольности»²¹. В 1642 г. в своем ответе на «19 предложений» Долгого парламента он писал, следуя, видимо, за Полибием и Фортескью, что всего в мире существует три формы правления — абсолютная монархия, аристократия и демократия. Каждая из них обладает своими достоинствами и недостатками. Достоинством абсолютной монархии является ее способность объединять народ, отражать нашествие извне и подавлять мятежи дома. Однако монархия может переродиться в тиранию. Достоинством аристократии может считаться то, что она соединяет лучших людей государства во имя достижения общего блага. Но аристократия способна превратиться в борьбу фракций. Свобода, смелость и трудолюбие граждан — таковы достоинства демократии, которые могут вырождаться в гвалт, насилие и распутство. Опытные и мудрые предки англичан, продолжает Карл I, создали смешанную форму правления, соединив достоинства трех упомянутых форм, отвергнув присущие им недостатки. Ибо в Англии «законы принимаются сообща королем, палатой пэров и палатой общин, избранной народом. Все они обладают свободой слова и особыми привилегиями. Управление согласно английским законам вручено королю... И мы не желаем изменять законы Англии»²².

Высказывания Якова I и предреволюционная политика его сына дают основания Д. Соммервиллю считать первых Стюартов последовательными абсолютистами. Против чего решительно возражают К. Рассел и К. Шарп. По их мнению, Стюарты, напротив, всегда выражали стремление править соглас-

¹⁹ King James VI and I. Op. cit. P. 76-78.

²⁰ Ibid. P. 75.

²¹ Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. F. Keeler, M. J. Cole, W. B. Bidwell. New Haven, 1978. Vol. IV. P. 182.

²² Political ideas of the English Civil War, 1641-1649. A collection of representative texts with commentary / Ed. A. Sharp. L., 1983. P. 41-42.

но праву. В этом они усматривали свой долг²³. Об этом Яковом I и Карлом I сказано в цитатах, приведенных выше. Принято, кроме того, сослаться на выступление Якова I перед судьями в Звездной Палате в 1616 г., где он сказал: «Под правом я подразумеваю общее право Англии, в соответствии с которым король управляет и которым народ управляем есть. И вы все можете засвидетельствовать, что я никогда не ставил перед парламентом вопрос о замене его, но напротив, когда я пытался добиться соединения королевств, которые уже и так едины в моем лице, я желал законы Шотландии привести в соответствие с законами Англии, но не законы Англии — в соответствие с законами Шотландии»²⁴. Наконец, оппонентами Д. Соммервилля отмечается, что и Яков I, и Карл I, проводили различие между законным монархом и тираном. Например, тиран у Якова I (почти по Аристотелю²⁵) правит, стремясь реализовать собственные желания, а законный король в своем правлении руководствуется исключительно интересами народа²⁶.

Г. Берджес, анализируя работы Якова I и предреволюционных оппонентов короны, полагает, что все споры явились результатом фатального непонимания англичанами друг друга. Ибо они все, по его мнению, говорили примерно об одном и том же. И у них сохранялось поле для компромисса²⁷.

Прежде чем приступить к анализу воззрений юристов общего права, заметим, что, как известно, государя делает свита. И оппонентам королевской власти приходилось вести полемику с ее апологетами гораздо чаще, чем с самими королями. Наиболее последовательными защитниками идеи усиления королевской власти в Англии в конце XVI—начале XVII вв. были юристы гражданского права, духовные деятели англиканской церкви и должностные лица короны²⁸. Нам придется обращаться к некоторым из них для того, чтобы лучше понять позицию юристов общего права. Ибо для нашего исследования нам представляется важным не только то, что думали первые Стюарты и выразители абсолютистской идеи, но и то, как их взгляды и действия воспринимались и истолковывались современниками.

Английская политическая мысль XVI—начала XVII вв. не знала проблемы наилучшей формы государственного устройства. Унаследованная от предков монархия казалась англичанам естественной и самой приемлемой формой правления. Ликвидация монархии в начале второй половины XVII в., воспринимае-

---

²³ Sommerville J. P. *Ideology, Property and the Constitution // Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603-1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. L., 1989. P. 62-66; Idem. *James I and the Divine Right of Kings: English politics and continental theory // The Mental World of Jacobean Court...* P. 63-65; Russel C. *The Causes of the English Civil War*. Oxford, 1990. P. 144-160; Idem. *Divine Rights in the Early Seventeenth century // Public duty and Private conscience in the seventeenth century England* / Ed. by J. Morrill. Oxford, 1993. P. 101-134; Sharpe K. *Private Conscience and Public duty in the writings of James VI and I // Ibid.* P. 75-100. Idem. *The Personal Rule of Charles I*. New Haven, 1992. P. 194-196.

²⁴ James VI and I. *Op. cit.* P. 208.

²⁵ Аристотель. *Политика*. М., 1979. С. 5-10.

²⁶ James VI and I. *Op. cit.* P. 20.

²⁷ Burgess G. *Common Law and Political Theory in Early Stuart England // Political Science*. 1988. Vol. 40. № 1. P. 4-17; Idem. *The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603-1642*. L., 1992. P. 136-178.

²⁸ Sommerville J. *Politics and Ideology in England, 1603-1640*. L., 1986. P. 9-12; См.: любопытное свидетельство Дж. Хоскинса, сделанное в парламенте 1614 г., который обвинял неких лиц в заявлениях, что «королевская прерогатива может быть расширена». *Proceedings in Parliament 1614 (House of Commons)* / Ed. by M. Jansson. Philadelphia, 1988. P. 152.

мая уже тогда многими как экстраординарная мера, была подготовлена экстремальными событиями гражданской войны. Если бы предложение ликвидировать монархию прозвучало из чьих-нибудь уст на пятьдесят лет раньше, оно, без сомнения, было бы воспринято не просто как крамола, но как государственное преступление. Если на земле должен существовать порядок, то король — его важнейшая часть. Королевская власть — от Бога, полагали многие авторитетные английские юристы общего права. По У. Лэмбарду, король — «высший судья и наместник Бога в своем королевстве»²⁹. «Что до короля, — писал канцлер Англии Т. Эллесмер, — то он является наместником Бога (he is the Substitute of god ymediatelic), отцом своего народа и главой государства»³⁰. В 1606 г., выступая в деле Бейта (известном еще как дело об импозициях, т. е. пошлинах), главный барон Казначейства Томас Флеминг говорил: «Бог дал ему (королю. — С. К.) власть, управление и силу управлять»³¹. Другой барон Казначейства, Кларк, заявлял на этом же судебном заседании: «Король есть самая ценная часть государства, поскольку он есть хранитель, попечитель и защитник народа»³². Г. Финч в своем трактате именовал короля главой государства, получившим власть непосредственно от Бога, и даже Богом на земле³³. «Король является отцом своей страны и попечителем общего блага, все добрые дети должны помогать ему», — говорил в «гнилом парламенте» (1614) Френсис Эшли. Спикер этого парламента Ренельф Крю считал короля образом Бога, его наместником и отцом народа³⁴. В парламентах 1621 г. и 1628 г. Эд. Кок называл короля отцом народа и заместителем Бога на земле, в «Институциях» — «светом и жизнью государства»³⁵. Как о наместнике и слуге Бога на земле писал о короле известный цивилист, судья Палаты Прошений, хранитель судебного архива и член Тайного Совета сэр Юлиус Сизар³⁶. «Они (короли. — С. К.) называются Богами», — замечал известный английский историк того времени Уильям Кэмден³⁷. «Согласно праву, — говорил в 1637 г. Оливер Сент-Джон, которому тогда пришлось в суде отстаивать интересы не пожелавшего платить «корабельные деньги» Дж. Гемпдена, — король является отцом семейства, который по закону домохозяйств должен не только сохранять мир в доме, но и защищать жену, детей и все семьи от опасных поползновений извне»³⁸. По

²⁹ Lambarde W. *Archeion, or a Discourse upon the High Courts of Justice in England* / Ed. by Ch. H. McIlwain and P. L. Ward. Cambridge (Mass), 1957. P. 56, 57, 62.

³⁰ A Copie of a wrytten discouse by the Lord Chauncellor Elsemore concerning the Royall Prerogatiue (1604) // Knafla L. A. *Law and politics in Jacobean England. The tracts of Lord Chancellor Ellesmere*. Cambridge, 1977. P. 198.

³¹ *Complite collection of State Trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the year 1783* / Ed. by T. B. Howell. L., 1816. Vol. II. P. 389.

³² *Ibid.* P. 383.

³³ Finch H. *Law, or a discourse thereof*. Savoy, 1759. P. 81.

³⁴ *Proceedings in Parliament 1614...* P. 65.

³⁵ *Commons Debates 1621* / Ed. by W. Notestein, F. H. Relf, H. Simpson. New Haven, 1935. Vol. II. P. 288, 253; *Commons Debates 1628* / Ed. by R. C. Johnson, M. F. Keeler, M. J. Cole, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 293; Coke E. *Institutes*. Pt. 3. L., 1797. P. 18.

³⁶ *The Ancient State Authoritie, and Proceedings of the Court of Requests by Sir Julius Caesar* / Ed. by L. M. Hill. Cambridge, 1986. P. 227.

³⁷ Camden W. «Discourse Concerning the Prerogative of the Crown» / Ed. by F. S. Fussner // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1957. Vol. 101. № 2. P. 209.

³⁸ *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625-1660* / Ed. by S. R. Gardiner. Oxford, 1951. P. 109. Заслуживает быть отмеченным то, что в годы республики и протектората Оливер Сент-Джон станет главным судьей Англии, а его политическая позиция будет последовательно индипендентской. Любопытно и то, что в 1648 г. он откажется от участия в суде над Карлом I.

мнению Дж. Селдена, короли необходимы людям для их же блага. Он сравнивает короля с человеком, который покупает пищу для членов семьи. Без такого человека и без желания других повиноваться его указаниям семья развалится. Ибо «если пищу будет покупать любой член семьи или если окажется много покупателей — они никогда не смогут прийти к согласию: один купит то, что другой терпеть не может, или то, что другой купил ранее»³⁹. Королевская власть, наряду с правом, казалась многим англичанам своеобразным гарантом от возможных потрясений. Законный монарх должен был обеспечить действенность власти. «Что до короля, нашего суверенного господина, — писал У. Уентворс своему сыну Томасу, будущему графу Страффорду, — то молитесь за него и повинуйтесь его законам, ибо в его безопасности — богатство и процветание его подданных, а государство — это корабль, на котором мы плывем»⁴⁰. В отличие от идеологов англиканской церкви, которые эти положения развивали в более или менее стройную абсолютистскую доктрину⁴¹, юристы общего права не шли дальше. Их рассуждения о королевской власти опираются на традицию общего права и поэтому выглядят удивительно однообразно. Но интерпретируют ее они порой по-разному и выводы из своих рассуждений делают прямо противоположные.

Казалось бы, любой юрист, берущийся описывать систему государственного устройства Англии, должен начинать с характеристики института королевской власти. Однако если обратиться к четвертой части «Институций» Эд. Кока, где он описывает полномочия всех государственных институтов, то мы не встретим здесь раздела, посвященного короне, королю, королевской власти. О короле он «вспоминает» только тогда, когда начинает описывать английский парламент. В парламенте король, лорды и общины совместно обсуждают состояние королевства, выносят важные государственные решения и принимают законы⁴². Джон Селден в «Застольных беседах» был не особенно многословен. Он пишет, что король Англии является главой церкви, сильно преуспевший после секуляризации земель в обретении над ней верховенства (Supremacy). В парламенте он не представляет какое-то одно сословие, но является «королем трех сословий». Королю принадлежит большая королевская печать и печати всех учреждений. Наконец, король обладает королевским двором, который сильно изменился за время правления Елизаветы Тюдор, Якова I и Карла I. Подданным не подобает действовать против короля, но можно обращаться к нему с петициями⁴³.

В предреволюционной Англии юристы общего права, как правило, характеризуют королевскую власть как власть двойственную. Причем у каждого из них, как мы увидим ниже, эта двойственность была каким-то образом индивидуализирована. Ибо в своих определениях — может быть, это обуславливалось их конкретной реакцией на то или иное политическое событие — они почти всегда выделяют какую-то одну, видимо, по их мнению, наиболее важную сторону королевской власти. Вместе с тем все они были согласны в том, что король обладает властными полномочиями, которые принадлежат ему по праву рождения, по праву крови и достались от предков. Де-юре это его частные прерогативы, его наследство, которое он получает вместе с королевством. Конечно, де-факто реализация той или иной прерогативы требовала непосредственного участия общества. Например, участие в войне, которая по средневековой традиции считалась личным делом монарха, требовало напряжения всех,

³⁹ Selden J. Table Talk of John Selden /Ed. by F. Pollock. L., 1927. P. 61.

⁴⁰ Wentworth papers: 1597-1628 /Ed. by J. P. Cooper. London, 1973. P. 11.

⁴¹ См. об этом: Sommerville J. P. Politics and Ideology in England... P. 11-12.

⁴² Coke E. Institutes. Pt. 4. L., 1797.

⁴³ Selden J. Op. cit. P. 63-65.

если не людских, то финансовых ресурсов государства. Король лично, вероятно, пытался представлять общество, но общество было не готово к этому и продолжало добиваться соучастия его представителей (может быть, этого требовали элитные группы) в выработке важных политических решений. Думается, есть основания говорить о том, что начавшийся в XIV–XV вв. процесс превращения частно-правового характера королевской власти в публично-правовой⁴⁴ в XVI–начале XVII вв. продвинулся далеко вперед, но так и не завершился. Во всяком случае двойственное восприятие власти короны отражено в многочисленных высказываниях современников. Король правит единолично, но в рамках прерогатив. Его власть знает ограничения, хотя целые сферы государственной политики относятся к королевской прерогативе и не подлежат обсуждению (на этом, как мы видели, настаивал Яков I) ни со стороны парламента, ни со стороны отдельных подданных. В пределах этих сфер король может решать государственные проблемы, руководствуясь исключительно своими персональными желаниями (во всяком случае, формальные, правовые ограничения исключались). Последнее заключение следует из высказываний юристов, хотя нередко эти высказывания бывают весьма разноречивы.

Итак, как же представляли себе люди конца XVI–начала XVII вв. королевскую прерогативу? Начнем с самых общих определений и характеристик.

Королевская прерогатива по своей природе была идентична привилегиям других лиц. Идеальным считалось состояние, при котором король, как и каждый его подданный, пребывал бы в «своем праве». Для безопасности государства, считал Эд. Кок, крайне важно «обеспечить сохранение законов и прав короны», не допустить их «упадка и ослабления посредством узурпации»⁴⁵. Всех людей, включая короля, читаем мы у Г. Финча и У. Ноя, можно рассматривать либо с точки зрения естественной, либо с точки зрения политической, т. е. правовой. По Г. Финчу, все то, что зафиксировано в праве, сохраняется благодаря реализации вечного принципа наследования. Любой человек, по общему праву, есть «корпорация». Термин «корпорация», на наш взгляд, следует понимать как совокупность вольностей и привилегий определенного лица, зафиксированных в каких-то правовых документах, например, королевских хартиях, патентах, частных актах парламента, или, быть может, опирающихся на память и традицию (The particular persons are natural persons, or bodies politick. The natural person is every man. A body politick is a body in fiction of law that endureth in perpetual succession; and such is the king alone and by himself considered... for the king hath two capacities, a body natural (wherein he may inherit from any of his ancestors, or purchase to him and his heirs, and retain the same, notwithstanding he be removed from his estate royal) and a body politick, wherein he may purchase to him and his heirs kings of England, or to him and his successors. So a parson is a corporation by the common law, and hath two capacities, one to take to him and his heirs, and the other to him and his successors)⁴⁶.

У. Ной также пишет о том, что король обладает «двумя телами, т. е. телом естественным и политическим», но определяет их более четко. Под «политическим телом», считает он, следует понимать то, что корона, в отличие от обычного человека, никогда не утрачивает своих полномочий: ни в случае смерти, ни в случае несовершеннолетия, ни в случае женитьбы носителя королевской власти. Корона обладает «политическим телом» по трем причинам: по

⁴⁴ Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // Средние века. 1987. Вып. 50. С. 60.

⁴⁵ Coke E. Reports. London, 1826. Vo. II. Pt. 4. P. XX-XXI.

⁴⁶ Finch H. Law, or, a Discourse there of. Savoy, 1759. P. 87-88.

причине величия (*Causa Majestatis*), что означает, что король может «давать», «брать» и «даровать» только посредством выдачи официального документа (*matter of record*), т. е. патента, скрепленного большой печатью (*letters-petent under the great seal*); по причине необходимости (*necessitatis*) сохранения государства в периоды междуцарствия и несовершеннолетия государей; по причине удобства (*utilitates*), подразумевающей вхождение во владение землей по праву первородства. Под «естественным телом» короля он понимает его право «иметь земли по принципу наследования и ценности, как их имеет любое частное лицо»⁴⁷. Можно здесь, думается, заключить, что, хотя юристы и не считали короля частью существующего государственного здания, но только человеком, обладающим властью, они склонялись к тому, что власть его должна реализовываться в правовых формах.

В основе определения прерогативы, считает У. Кэмден, лежали принципы чести и достоинства. Он пишет, что по своим привилегиям и по достоинству (*difference of honor*) каждый человек отличается от другого. Достоинство и привилегии иногда даются человеку от рождения, а иногда человек приобретает их благодаря личным качествам (*capacity*). С точки зрения чести и достоинства, каждый житель Англии, по мнению историка, может быть отнесен к одному из 10 разрядов: 1) «к королевскому разряду, который некоторые называют также корпорацией (*royal which some call also a corporation*)»; 2) к разряду инкорпорированных, куда входят светские и духовные лица (*incorporate lay or clergy*); 3) к разряду знатных и властных. В данный разряд попадают либо по рождению, либо по должности (*by office*); к другим разрядам можно отнести 4) свободнорожденного мужчину и женщину, 5) иностранца, 6) замужнюю женщину, 7) ребенка, 8) лицо, лишенное прав, 9) бастарда, 10) виллана и его жену. Как известно, в елизаветинской и раннестюартовской Англии любое лицо или сообщество, обладающее своим правом, принято было называть телом политическим, или корпорацией. Видимо, поэтому У. Кэмден, приступая к характеристике «королевской персоны» (*royal person*), пишет, что она называется корпорацией, ибо обладает и светской, и церковной юрисдикцией. Исходя из этого, королевское могущество может еще именоваться «вечной персоной» (*perpetual person*) и «наследственной корпорацией» (*successive corporation*). Власть «королевской персоны» состоит в праве «командовать и ограничивать людей», взимать пошлины со своих подданных и иностранцев за экспорт и импорт товаров и в «привилегиях относительно жизни, чести, земель и движимости»⁴⁸.

У. Кэмден пишет, что каждая страна знает свою, в чем-то непохожую на другие прерогативу, по которой «воля короля в некоторых вопросах (*in some things*) является законом». Следуя за Фортескью, он выделяет три формы монархического правления: королевскую (*regal*), политическую (*politique*) и смешанную (*mixt*). Под королевским правлением он понимает властвование, когда король может издать закон без согласия народа. Прерогатива монарха в таком случае определяется так: «То, что хочет король, он может сделать, и это не будет считаться несправедливым или обидным». Под политическим правлением он понимает правление, при котором король не может принять ни один закон без согласия народа. В этом случае королевская прерогатива полностью находится под правом, за исключением «некоторых общих привилегий, без которых нет короля». Под смешанным правлением У. Кэмден подразумевает правление, когда по одним вопросам король издает законы без согласия народа,

⁴⁷ Noy W. A Dialogue and Treatise on the Law // Noy W. The Principal Grounds and Maxims. Lincoln's Inn, 1821. P. 338-339.

⁴⁸ Camden W. Op. cit. P. 207.

но по другим — только с согласия подданных. Историк отнес Англию к третьему, смешанному, типу правления, ибо здесь есть парламент, который совместно с королем «трактует» противоречивые законы и издает статуты⁴⁹. К сожалению, историк не оставил нам развернутых характеристик полномочий королевской власти в современной ему Англии.

Обратимся теперь к произведениям юристов и посмотрим, как они определяют слова «король» и «королевская прерогатива». В 1568 г. один из судей общего права Уильям Стэнфорд выпустил трактат «Описание королевской прерогативы», в котором писал: «Король является защитником (protectour) всех своих подданных, их имущества, земель и держаний»⁵⁰. «Прерогатива есть не что иное, как привилегия, или превосходство, которое один человек имеет перед другим». В королевстве ею наделен и обладает «государь, или суверенный правитель». «Он, кроме того, есть прекраснейший и ценнейший орган, или член государственного тела. И поэтому он еще есть (в своем достойном правлении) судья (prosecuter), кормилец (nourisher) и защитник всех остальных людей, являющихся прочими частями тела»⁵¹.

У Уильяма Лэмбарда король — прежде всего судья своего народа, который может исполнять свои судебные функции либо непосредственно сам, либо делегировать свои судебные полномочия «избранным людям». Таковы изначальные функции королевской власти, которые она исполняет совместно с советом, парламентом и различными судами. В том случае, если какую-то проблему невозможно решить по общему праву, король может прибегнуть к своей «абсолютной юрисдикции»⁵².

Раннестюартовский период английской истории оставил нам политико-правовые источники, характеризующие восприятие королевской власти, — будь то трактаты или выступления, — которые чаще всего являлись реакцией на конкретные политические шаги короны. В произведениях и речах того времени иногда неявно и неосознанно, а иногда отчетливо и последовательно запечатлелись, с одной стороны, надежды, что порядок будет опираться на закон и король останется пребывать в своем праве, а с другой — опасения, что королевская власть поглотит традиционный порядок и устройство, а с ними и право. Опасения, что король станет синонимом права и порядка, единственным их гарантом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что суждения о короле и его прерогативе часто строятся на антиномиях. Эти антиномии отнюдь не отрицали идеала порядка. Просто их сторонники верили в то, что единство может быть реализовано лишь тогда, когда отстаиваемая ими антиномия поглотит свою противоположность. Наиболее часто встречающаяся антиномия того времени — это противопоставление королевской власти и права.

По словам юристов, определение объемов королевской власти зафиксировано в «старых книгах» общего права. Упоминание об этом можно встретить у Томаса Уентворса и Эд. Кока. Первый в парламенте 1610 г. говорил: «Разве наши книги в 20 местах не утверждают того, что король может делать по своей прерогативе и чего он делать не может»⁵³. Эд. Кок оставил довольно

⁴⁹ Ibid. P. 210-211.

⁵⁰ Staunford W. An Exposition of the Kinges Prerogatiue collected out of the great abridgement of Justice Fitzherbert and other olde writers of the lawes of Englande. L., 1568. Fo. 37.

⁵¹ Ibid. Fo. 5.

⁵² Lambarde W. Op. cit. P. 56, 58, 66-68.

⁵³ Proceedings in Parliament 1610 / Ed. by E. R. Foster. New Haven, 1966. Vol. 2. P. 82-83. Не следует путать юриста общего права Томаса Уентворса, члена палаты общин 1610 и 1614 гг., с Томасом Уентворсом, будущим графом Страффордом, который заседал в палате общин с 1621 по 1629 гг.

много высказываний о королевской власти. Но ни разу он не попытался дать ее полное описание. В «Институциях» он ограничил свой поиск только приведением примеров того, как слово «король» (king) произносится на саксонском, кельтском, французском, итальянском, испанском и латинском языках⁵⁴. Прерогативу он истолковывает «как часть права Англии..; всю власть, превосходство и привилегии, которые право дает короне (all powers, preheminences, and priviledges, which law giveth to the crown)»⁵⁵.

Положение о том, что полномочия королевской власти определены правом, где она предстает как совокупность прерогатив, Эд. Кок унаследовал от своих предшественников и не раз отстаивал его в дискуссиях на самых разных уровнях. Еще в XIII в. Генри Брактон в трактате «О законах и обычаях Англии» писал: «Король не имеет себе равного в своем королевстве, потому что этим упразднялось бы правило: равный в отношении к равному не обладает властью. Также превосходящего себя могуществом или властью он иметь не должен, потому что этим он поставит себя ниже подданных, а стоящий ниже не может быть повелителем равных. Сам же король не должен быть под человеком, но — под Богом и законом, потому что закон делает короля. Пусть же король отдаст закону то, что закон отдает ему, а именно — господство и власть. Ибо нет короля там, где правит воля, но не закон»⁵⁶. В 1576 г. Питер Уентворс говорил в палате общин, что Елизавета Тюдор стала королевой благодаря закону, и почти дословно воспроизводил слова Г. Брактона⁵⁷. На это место любил ссылаться Эд. Кок. В 1608 г. полемизируя с Эд. Коком, Яков I, противореча тому, что он сам писал в политических трактатах, раздраженно заявил о своем требовании квалифицировать как государственное преступление (treason) утверждение, что король должен подчиняться закону. «На что я ответил, — пишет юрист, — словами Брактона: «Король не должен быть под человеком, но — под Богом и законом»⁵⁸.

Весьма близкое определение королевской прерогативе давал Ф. Бэкон. Вступив в 1617 г. в должность лорда-хранителя Большой Королевской Печати, он говорил, обращаясь к королю: «Королевская прерогатива и право — это не две разные вещи. Напротив, королевская прерогатива — это закон и главная часть права..., следовательно, сохраняя и укрепляя прерогативу, вы сохраняете и укрепляете право»⁵⁹.

С определением прерогативы как части права согласен Г. Финч. «Она, — пишет юрист, — вырастает из общего права так же, как палец из руки». Хотя король и подданный отличаются и объемом, и качеством своих прав, но отражены они в одном общем праве, которое есть перводвижитель, вращающий планеты по их окружностям. Король, продолжает Г. Финч, «имеет прерогативу делать все, что не вредит подданному»⁶⁰.

В парламенте 1628 г. юрист общего права К. Шерленд говорил, что он никогда не знал никакой иной прерогативы, кроме той, которая является частью общего права⁶¹. «Пусть никто не думает, — вторил ему здесь же его

⁵⁴ Coke E. Institutes. Pt. I. L., 1832. 65b.

⁵⁵ Ibid. 90b.

⁵⁶ Bracton H. De legibus et consuetudinibus Angliae / Ed. By G. E. Woodbine. Cambridge (Mass), 1968. Vol. 2. Fo. 5.

⁵⁷ Dewis S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. Shannon, 1973. P. 238.

⁵⁸ Coke E. Reports... Vol. II. Pt. 4. P. XIX; Vol. VI. Pt. 12. P. 282; Usher R. G. James I and Sir Edward Coke // English Historical Review. 1903. Vol. 18. P. 664-675.

⁵⁹ Bacon F. The Works of Sir F. Bacon / Ed. by J. Spedding. L., 1872. Vol. XIII. P. 203.

⁶⁰ Finch H. Op. cit. P. 84-85.

⁶¹ Commons Debates 1628. . . Vol. III. P. 99.

собрат по правовому цеху Г. Шервифилд, — что королевская прерогатива не является частью общего права. Она есть его самый главный цветок. Она есть самый драгоценный закон, по которому король может объявлять войну, заключать мир, созывать парламент или распускать его... В правлении, основанном на праве, заключается безопасность короля и его народа»⁶².

По Джону Селдену, королевская прерогатива — это такая власть короля, которую ему позволяет осуществлять общее право. Королевская прерогатива — это не воля государя, или, как ее определяют духовные лица, необходимость делать то, что он предписал. Юрист полагает, что если король обретет власть выходить за рамки права или становиться над правом, он сможет использовать ее для разрушения или сокращения общего права⁶³.

Теперь, после приведенных примеров, свидетельствующих, что, по мнению многочисленных современников первых Стюартов, властные полномочия короны не только определяются правом, но и имеют весьма четкие ограничения, самое время обратиться к описаниям и перечислениям прерогатив. Следует обратиться к высказываниям о том, что же король мог и не мог, был вправе и не вправе делать, а также необходимо изучить, существовало ли единство в интерпретации властных полномочий прерогативы.

Пожалуй, наиболее полное определение королевской власти дал в 1583 г. юрист гражданского права Т. Смит. «Государь, — пишет он, — есть жизнь, глава и власть над всем, что существует в королевстве Англия». Короля и королеву Англии никто не может превосходить честью и достоинством. В присутствии английского государя надлежит обнажать головы и умолкать. Склоняться, прислуживая ему за столом.

Английский государь, продолжает Т. Смит, обладает абсолютной властью в вопросах войны и мира. Он единолично может объявлять войну, заключать мир, вступать в различные союзы, назначать по своему усмотрению членов Тайного Совета, с которыми обсуждает государственные проблемы. Он производит назначение на все высшие государственные должности. От его имени осуществляется судопроизводство. Он может налагать опеку на держателей земель, управлять землями больных и умалишенных.

В военное время, специально подчеркивает автор, «государь обретает такую абсолютную власть, что его слово становится законом и он может, не прибегая к узаконенной процедуре и судебному разбирательству, предавать смерти или телесному наказанию того, кого пожелает». Ибо во время войны действует так называемое «военное право» (*martiall lawe*), которое дает ему абсолютную власть. Иногда он может поступать так и в периоды смут и мятежей. Кроме того, государю принадлежит абсолютная власть в определении времени чеканки монеты, ее формы, веса и т. п. Он обладает правом помилования преступников.

Кроме названных, пишет Т. Смит, государь обладает и другими прерогативами. Полное описание королевской прерогативы представлено «в книгах общих законов Англии»⁶⁴.

«Государю, — писал Т. Уилсон в 1600 г., — не принадлежит власть издавать или отменять законы. Это должно происходить по общему согласию всех в парламенте. Хотя власть в королевстве передается по наследству, старший сын короля после смерти своего отца не может короноваться без согласия парламента. Его привилегии состоят в праве объявлять войну и заключать мир, назначать высших должностных лиц и служащих (*principall magistrates*

⁶² Ibid. Vol. II. P. 188-189, 193.

⁶³ Selden J. Table Talk / Ed. by F. Pollock. L., 1927. P. 112.

⁶⁴ Smith T. De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England / Ed. by L. Alston. Cambridge, 1906. P. 58-63.

and officers) по всему королевству, за исключением местечек и городов». Государь определяет срок пребывания в должности, ибо «ни служащий двора, ни судья не передают свои места по наследству». Никто в королевстве, кроме государя, не имеет власти над жизнью и членом кого бы то ни было. Никто не может быть заключен в тюрьму или по-другому наказан без решения комиссии, отправленной королевой Елизаветой Тюдор. «Государь может по своему желанию простить и даровать жизнь осужденному, а также отнять жизнь или один из членов у подданного»⁶⁵.

Томас Уилсон, как и Т. Смит, был цивилистом, для которых характерно стремление расширить полномочия королевской власти во всех сферах, включая судебную. Хотя король и считался «источником» (fountain) правосудия⁶⁶, сложившаяся практика предполагала наказание кого бы то ни было только после соответствующего решения одного из судов. Положение судей, как точно подметил Л. М. Хилл, еще не было окончательно определено. Они, как и все прочие должностные лица, назначались и смещались королем. Но в своей деятельности судьи призваны были руководствоваться положениями права, поэтому они добились определенной степени независимости от королевской власти⁶⁷. Всякие притязания короны на то, чтобы изымать дела из судов и единолично выносить приговоры, юристами общего права ставились под сомнение. Они достаточно решительно выступали против этого. Например, Эд. Кок пишет в «Институциях», что получить решение по делу непосредственно из рук короля невозможно, ибо его судебная власть распределена между различными судебными органами, делегирована им: «Король действительно судит, но через своих судей»⁶⁸. Приглашенный в 1610 г. в палату лордов в качестве консультанта, Эд. Кок заявил, что степень воздействия королевской прерогативы на судебную сферу регулируется, кроме общего права, актами парламента. «Суверенная прерогатива короля часто оказывается связанной актом парламента. Акт парламента оговаривает случаи, которые могут быть отнесены к государственной измене (treason). Акт парламента ограничивает короля в предоставлении помилования по тяжким уголовным преступлениям (felony)»⁶⁹. Сам факт существования судов расценивался Эд. Коком очень высоко, ибо в их деятельности он усматривал, с одной стороны, проявление закона, а с другой — проявление вольностей (that courts of justice are also called libertates, because in them the laws of the realm quoe liberos faciunt, are administered)⁷⁰. В 1608 г. на своей конференции судьи, в числе которых был, естественно, Эд. Кок, вынесли решение, что король персонально не может выносить решения ни по уголовным делам, ни по тяжбам, возникающим между подданными. Он не может подвергать подданного аресту без решения суда⁷¹. Перед самой революцией на этих принципах настаивал Оливер Сент-Джон. Он сравнивал правосудие с потоком, который хоть и берет начало от своего источника — короля, но должен течь по определенным, всем известным «каналам». Такими каналами юрист считал королевские суды, где правосудие осуществляется именем короля. «Я полагаю, что если процесс является право-

⁶⁵ Wilson T. The State of England. Anno Dom. 1600 /Ed. By F. J. Fisher // Camden Miscellany. L., 1936. Vol. XVI. P. 37-38.

⁶⁶ The Ancient state Authoritie, and proceedings of the Court of Requestes... P. 35; Complete Collection of State trials... Vol. II. P. 399; The Constitutional Documents of the Puritan Revolution... P. 111.

⁶⁷ Hill L. M. Bench and Bureaucracy. The Public Career of Sir Julius Caesar, 1580-1636. Stanford, 1988. P. XI-XIII.

⁶⁸ Coke E. Institutes. Pt. 4. P. 71.

⁶⁹ Proceedings in Parliament 1610... Vol. I. P. 213.

⁷⁰ Coke E. Institutes. Pt. 2. P. 4.

⁷¹ Idem. Reports. Vol. 6, Pt. 12. P. 281.

вым и относится к компетенции одного из судов, то Его Величество один, без помощи судей этого суда, не может выносить решение. Я знаю, что король Иоанн, король Генрих III и другие короли присутствовали на заседаниях Королевской скамьи и Суда Казначейства, но следует осознавать, что им ассистировали их судьи». В продолжение этой мысли он говорит, что в 1484 г. судьи пришли к выводу, что если король пожелает наложить на кого-либо штраф, то штраф этот может быть наложен не королем персонально, но только судьями, которые осудят провинившегося⁷².

Посмотрим, что еще писали юристы общего права, с чем они соглашались и против чего решительно возражали. В парламенте 1610 г. юрист общего права Гинидж Финч говорил, что король обладает властью объявлять войну, заключать мир, определять стоимость монеты и что если король нуждается в защите, он может изгнать любого человека за пределы королевства⁷³. В парламенте 1621 г. Сэмюель Санди определял прерогативу короля как право «начинать войну, заключать браки и союзы»⁷⁴. В этом же парламенте Эд. Кок так определял объем королевской власти: «Я не собираюсь исследовать королевскую прерогативу. Существует две прерогативы: одну можно подвергать обсуждению, вторую — нет. К первой относится полномочие объявлять войну и заключать мир, вторая касается «моего и твоего» и связана Правом»⁷⁵. Но в отличие от Томаса Смита и других цивилистов он полагал, что даже «военное право» короны должно контролироваться и определяться общим правом. «Наше общее право, — говорил он в 1628 г., выступая в парламенте, — связывает ваше военное право»⁷⁶. Г. Финч писал, что король может учреждать корпорации, духовные и светские сообщества (*chapter, commonalty*), назначать деканов и мэров, натурализовывать иностранцев, если они находятся в детском возрасте, взимать рентные платежи и десятины с лесов⁷⁷.

Томас Хедли в парламенте 1610 г. считал, что к королевской прерогативе относится право объявлять войну и заключать мир, повышать или понижать стоимость монеты, прощать преступивших закон, назначать судей. Причем королю надлежит распоряжаться прерогативами разумно. «Время и опыт показывают нам отчетливо, — утверждает он, — что этими прерогативами нельзя злоупотреблять и подвергать угрозе государство». Зачастую, продолжает коммонер, злоупотребляя прерогативой, король подвергает себя опасности большей, чем даже своих подданных. Поражение в войне грозит королю потерей королевства и жизни, тогда как подданные окажутся только в большой зависимости или рабстве. Понижение или повышение стоимости монеты обязательно вызовет повышение стоимости товаров, и доходы короля в результате сократятся. Прощая преступников, король может простить среди них и того, кто злоумышлял против него самого, что только повысит степень опасности. Король, пишет Т. Хедли, не может своей абсолютной властью заключить подданного в тюрьму: для этого требуется решение судей. «Без согласия парламента король не может изменить закон... Король не может изменить условия владения землей или движимостью одного из его подданных без их согласия (*the king cannot alter the property of the lands or goods of any of his free subjects without their consent*)». Только парламент может изменять законы и вводить налоги»⁷⁸.

⁷² *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution...* P. 111-112.

⁷³ *Proceedings in Parliament 1610...* Vol. II- P. 235-236.

⁷⁴ *Commons Debates 1621...* Vol. II. P. 488.

⁷⁵ *Ibid.* Vol. 4. P. 79.

⁷⁶ *Commons Debates 1628...* Vol. II. P. 548, 555, 563, 576; Vol. III. P. 307.

⁷⁷ Finch H. *Op. cit.* P. 84-85.

⁷⁸ *Proceedings in Parliament 1610* / Ed. by E. R. Foster. New Haven, 1966. Vol. 2. P. 183, 185, 188-189.

В ходе этой же парламентской сессии генеральный атторней королевства сэр Генри Хобарт заявлял, что ни один человек не будет отрицать права, отраженного в законе (*I am sure no man will deny that which is right by law*). На вопрос о способе изменения права, говорит он, «я должен ответить прямо: король не может менять законы, но должен использовать те, которые созданы...; он не может изменять законы, ибо законы создаются или меняются парламентом... Все суверенные государства знают определенное право величия (*jura majestatis*), а именно: право объявлять войну и заключать мир, создавать законы, созывать и распускать парламент, чеканить монету, натурализовывать иностранцев, взимать пошлины и проч. Если во всех монархиях эти полномочия являются наследственными, а наш король является монархом, то и он обладает ими, хотя и с некоторыми ограничениями. Истинная правда, что король в одних случаях обладает абсолютной властью, а в других — властью ограниченной. Он не может своей абсолютной властью издать закон...»⁷⁹.

«Правление в Англии не абсолютно имперское и монархическое, то есть желание государя не является здесь правилом и законом жизни и свободы его подданных, как это принято у императора и испанцев, а также у некоторых других (такого же рода), чье правление строится на максиме: что угодно государю, имеет силу закона, ибо там он может и изменять законы королевства, и обременять общины налогом и побором без их согласия... Наш король не может ни изменять законы без одобрения его подданных, ни обременять подданных необычными налогами против их воли, поэтому его люди распоряжаются своей жизнью и состоянием, как своим владением, управляемым только такими законами, которые они сами испрашивают и признают, этой свободой и счастьем подданные истинной *regal monarchy* будут наслаждаться до тех пор, пока она будет сторониться тирании», — писал аноним во втором десятилетии XVII в.⁸⁰

Отсутствие у королевской власти права менять законы страны специально декларировалось в петиции палаты общин 1610 г. и в решении судей того же года. Коммонеров и судей волновали участвовавшие случаи издания королевских прокламаций, которые затрагивали и меняли нормы общего права. Парламентарии, в частности, писали, что народ «охвачен страхом, что прокламации возвысятся до значения и природы законов, из-за чего не только пострадают, если не исчезнут вовсе, древние благополучие и свобода, которыми наши предки так долго с удовольствием пользовались, но и со временем может также возникнуть новая форма произвольного правления в королевстве»⁸¹. Решение судей не оставляло никаких сомнений, что король не может своими прокламациями ни менять старые нормы, ни создавать новые: «Король ни своей прокламацией, ни каким-либо иным способом не может изменять одну из частей общего права, статутного права или один из обычаев королевств... Право Англии состоит из трех частей — общего права, статутного права и обычаев, но королевская прокламация не принадлежит ни к одной из них... Было также решено, что король имеет только ту прерогативу, которую ему позволяет иметь право страны... Король для предотвращения преступления может своей прокламацией предупредить подданных, чтобы они держались положений права и не преступали их»⁸². Прокламация, таким образом, не могла быть законом, но лишь своеобразным напоминанием о действующих законах и возможных наказаниях

⁷⁹ Ibid. P. 198.

⁸⁰ A dialogue between Phileleuteros... P. 166.

⁸¹ Ibid. P. 259.

⁸² Coke E. Reports. Vol. VI. Pt. 12. P. 298-299.

ях. В последующем подданные нередко порицали королевскую власть за издание прокламаций. В парламенте 1628 г. Уильям Коритон жаловался на то, что корона издает прокламации, «которые мешают и противоречат общему праву»⁸³. Эд. Кок говорил, что в издании прокламаций король заходит слишком далеко. По мнению Дж. Селдена, ничто не способно так изменить существующую в Англии систему правления, как издание прокламаций⁸⁴.

Таким образом, приведенный материал показывает, что в начале XVII в. юристы и парламентарии полагали, что король обладает неограниченной властью при определении внешней политики страны. Абсолютной, или суверенной, властью при решении вопросов внутренней политики обладает только завоеватель, ибо его власть, считает Дж. Селден, опирается на силу меча⁸⁵. Таковой, абсолютной, властью была власть двух первых нормандских королей, которые правили с мечом в руках, пишет У. Кэмден⁸⁶. Но в начале XVII в. полномочия английских монархов во внутренних делах, оставаясь чрезвычайно широкими, имели определенные ограничения. Эти полномочия большинство юристов не решается называть абсолютной властью. А если даже подобное определение используется, то одновременно подчеркивается наличие их правового регулирования. «Я признаю, — говорил юрист общего права Джордж Браун в парламенте 1628 г., — что король имеет также много власти в оказании правосудия или милости, как любой другой король; но его власть регулярная (*regular*), и регулируется она законами. Следовательно, я отрицаю отличие абсолютной власти от власти правовой (*legal power*)»⁸⁷. Король не должен, думали его современники, вмешиваться в вопросы судопроизводства, изменять произвольно законы, не может устанавливать налоги. Изменение законодательства и введение налогов происходит с участием короля и с согласия подданных в парламенте. Правда, власть короля может расширяться на периоды военных действий и внутренних потрясений. Можно отметить отсутствие единства в трактовке права короны распоряжаться жизнью и смертью подданных. Юристы гражданского права полагали, что король обладает такими полномочиями, тогда как юристы общего права отрицали их. В целом они придерживались того, что власть короля абсолютна в рамках прерогатив, границы которых определены правом.

Только наиболее последовательные сторонники расширения полномочий короны использовали прилагательное «абсолютная» при характеристике королевской прерогативы. Лексика, к которой они прибегают, с трудом поддается интерпретации, настолько она неопределенна. Таких абсолютных прерогатив, полагает канцлер Англии в период правления Якова I Томас Эллесмер, у короля две. Одна абсолютная прерогатива отражена в королевских законах. Король может делегировать право исполнять заложенные в ней полномочия одному из подданных, назначив его членом одного из учреждений или членом одной из комиссий. «Происхождение всех судей и членов комиссий таково, что все вопросы они могут рассматривать только в определенных судах, на заседаниях которых, как считается, король персонально присутствует», — писал Т. Эллесмер, хотя в действительности король появлялся там крайне редко. «Этой прерогативой король управляет всем народом в соответствии со своей оглашенной волей».

⁸³ Commons Debates 1628... Vol. II. P. 90.

⁸⁴ Ibid. Vol. IV. P. 243-244.

⁸⁵ Selden J. Titles of Honour // The Works of John Selden, esq. L., 1724. Vol. III. P. 109-110.

⁸⁶ Camden. Of the same // A Collection of Curious discourse written by eminent antiquaries upon several heads in our Englis Antiquities / Ed. by T. Hearne. L., 1771. Vol. I. P. 305.

⁸⁷ Common Debates 1628. Vol. II. P. 173, 176.

Существует другая абсолютная прерогатива короля, которую канцлер называет еще его «частной волей». Она не подлежит делегированию кому бы то ни было. Ибо этой прерогативой король обладает как «непосредственный заместитель Бога, отец своего народа и глава государства». В реализации этой мистической прерогативы соучаствует Бог. Эта прерогатива не регулируется законом и, следовательно, не может оцениваться с помощью права.

Король у Т. Эллесмера остается стоящим и за рамками права, и за рамками существующей структуры государственного управления. Он есть просто высшее на земле воплощение справедливости. Он следит за тем, чтобы назначенные им судьи и должностные лица не нарушали его законы, не наносили ущерба народу, не искажали правосудие. Судья, получивший одну из королевских прерогатив, не может уподобляться королю. Ибо «хотя король не обязан склоняться перед законом, но во имя справедливости, которая воплощена в его лице, каждый назначенный судья должен склоняться перед законом»⁸⁸.

Другая терминологическая антиномия, которая употреблялась сторонниками усиления королевской власти и их оппонентами, состояла в противопоставлении так называемых ординарной и абсолютной прерогатив. В 1606 г. об этом говорил Томас Флеминг, выступая в суде по делу Бейта. Причем под ординарной властью короля он подразумевает примерно то же самое, что Т. Эллесмер относил к одной из абсолютных прерогатив. «Королевская власть состоит из двух частей — ординарной и абсолютной, у каждой из них есть свои законы и свои задачи. Ординарная власть существует для обеспечения процветания частных лиц, исполнения гражданского правосудия (*civil justice*), определения того, что есть «мое». Эта власть являет себя в справедливых приговорах и в правосудии обычных судов. Цивилисты называют ее частным правом, а мы правом общим. Вне парламента законы, по которым живет эта власть, не могут изменяться. То есть сущность их никогда не может быть изменена, хотя форма и облик могут меняться и переделываться.

Абсолютная власть короля существует не для частного использования или процветания какого-то частного лица, но исключительно для общего блага и процветания народа. Поскольку народ есть тело, а король — глава, а власть данная руководствуется правилами, которые прямо восходят к общему праву, то лучшим названием ей будут Политика и Управление. И так же, как время изменяет строение тела, так же во имя общего блага мудрость короля изменяет это абсолютное право (*this absolute law*). Что до главных правил, то истина в следующем: все, что не противоречит этим правилам, законно»⁸⁹.

Думается, не случайно Томас Эллесмер при характеристике абсолютной прерогативы ссылается на необходимость короля печься о справедливости, а Т. Флеминг — на необходимость заботиться об общем благе, заниматься политикой и управлять. Они, вероятно, склонялись к тому, что функцию управления невозможно подчинить четким нормам. Достаточно сформулировать некоторые общие принципы. Политика короля, направленная на достижение общего блага, совсем не обязательно должна быть понятна подданным, поэтому она не подлежит, как говорил еще Яков I, обсуждению. Забота об

---

⁸⁸ Ellesmere T. A Coppie of a wrytten discourse... P. 197-199. Думается, что трактовка короля как высшего воплощения справедливости могла быть обусловлена самой должностью Т. Эллесмера. Как известно, юрисдикция Суда канцлера опиралась на так называемое право справедливости. Хотя процедура и нормы «права справедливости» сформировались на основе прецедентов и заимствований из римского права, считалось, что в Канцелярии король разбирает все дела, руководствуясь своей совестью, а сама Канцелярия стала рассматриваться как место «хранения» королевской совести. См.: Кондратьев С. В. Юристы... Гл. I.

⁸⁹ Complete collection of State Trials... Vol. II. P. 389.

общем благе, возложенная на короля Богом, не должна знать ограничений. Следовательно, и власть короля, направленная на реализацию этой задачи, не может быть ограничена. Идея государственного интереса, сформулированная во Франции Жаном Боденом, была известна в Англии и здесь могла — как знать — принять и такую форму.

В отличие от Т. Эллесмера и Т. Флеминга, у которых мысль о том, что абсолютная власть короля находится за пределами общего права, представлена в завуалированном виде, генеральный атторней Ирландии Дж. Девис выразил ее отчетливее. Во-первых, он полагает, что король обладает прерогативой по праву народов, а не по позитивному (в данном случае общему и статутному) праву, которое появилось позже. Следовательно, прерогатива короля появилась без согласия народа. Во-вторых, делает он заключение, абсолютная власть короля выше его ординарной прерогативы. Дж. Девис пишет: «По праву народов король имел абсолютную и неограниченную власть над всем. Затем он сам пожелал ограничить и урезать свою абсолютную власть правом позитивным и связать себя ординарными нормами права.., оставив и сохранив тем не менее во многих сферах ту абсолютную и неограниченную власть, которой он обладал по праву народов. В этих сферах и действуют королевские прерогативы. Следовательно, королевские прерогативы не были дарованы ему народом, но сохранены им самим за собой, когда позитивное право было впервые установлено. И сегодня король имеет двойственную власть, а именно: абсолютную власть, или полный империум (*regum imperium*), которая дает ему право пользоваться только прерогативами и которая не связана позитивным законом; и ординарную власть, которая действует в согласии с правом». На позитивном праве действует королевское правосудие. С его помощью решаются все дела, связанные с землей и передачей любого наследства. Чеканка монеты, объявление войны и заключение мира, регулирование торговли и коммерции в пределах и за пределами королевства — все это относится к компетенции королевской прерогативы. Несмотря на столь традиционное описание королевской власти, вывод его не оставляет никаких сомнений в его политических склонностях: «Королевская прерогатива древнее, чем обычное право нашего королевства, кроме того, власть королевской прерогативы выше общего права»⁹⁰.

У противников усиления королевской власти противопоставление абсолютной и ординарной прерогатив иногда выглядело еще и как противопоставление власти короля в парламенте королю вне парламента. Оно могло принимать форму суждений о «суверенитете» и «суверенной власти».

Понятие «суверенитет», видимо, прочно утвердилось в политико-правовой лексике в реформационную эпоху, под которым понималась независимость страны от любой внешней власти. Иначе говоря, Реформация оставила Тюдорам и Стюартам учение о «внешнем суверенитете». Между тем короля в официальных документах почти всегда именовали сувереном, не делая никаких оговорок. И постепенно обозначилась тенденция понимать под суверенитетом просто верховную власть, никак ее не определяя. Термины «суверен», «суверенитет» превратились в клише, без которых стало невозможно обходиться при сочинении официальных документов и политических произведений. Любопытно, что Дж. Селден, один из наиболее последовательных критиков королевской власти в конце 20-х годов XVII в., без всяких сомнений использовал слово «суверенитет» 10–15 годами раньше, когда сочинял свои «Титулы знати» (1614). В этой работе он писал, что титул «король» (обращаясь, правда, не столько к опыту Англии, сколько к этимологии слова и к опыту Европы) означает, что

⁹⁰ Davies J. The Question concerning Imposition, Tonnage, Poundage, Prizage, Customs, etc. L., 1636. P. 6-7, 30-33.

человек, его носящий, стоит выше других — *supreme*, ему принадлежит среди других знатных лиц «высшее величие» (*supreme majesty*). Он обладает высшими правами величия и верховной властью (*highest rights of majesty and sovereignty*)⁹¹.

Совершенно очевидно, что монархи, видимо, хотели экстраполировать учение о суверенитете на дела внутренние. Противники таких устремлений предпочитали либо по-прежнему говорить о внешнем суверенитете, либо — если избежать этого не удавалось — о внутреннем суверенитете короля в парламенте. Так, в 1610 г. Джеймс Уайтлок, вспомнив о деле Бейта, произнес: «Прежде следует допустить в качестве правила и основания государства, что во всяком обществе и при всяком порядке управления существуют некоторые суверенные права, называемые еще правами величия, которые всегда и по общему праву принадлежат суверенной власти этого государства, если обычай или временный ордонанс этого государства не установили относительно их какой-либо иной порядок. Указанная суверенная власть есть верховная власть (*potestas suprema*), которая контролирует все другие власти, но сама, кроме себя самой, никем не контролируется. Нельзя отрицать, что власть устанавливать налоги в государстве, в ряду других прав суверенной власти, является властью столь важной, что из злоупотреблений ею легко могут произрастать опасности общему благу. Отсюда следует, что нет надобности задаваться каким-либо иным вопросом, а нужно подвергнуть изучению, кому принадлежит суверенная власть в нашем королевстве, ибо с ней связано и право устанавливать налоги.

Все согласны, что верховная власть принадлежит королю. Однако власть короля двоякого рода: одна — в парламенте, где он получает поддержку в виде согласия всего государства, другая — вне парламента, руководимая лишь его собственной волей. Если из этих двух властей одна является большей, чем другая, и может направлять и контролировать другую, то она и является верховной, суверенной властью (*suprema potestas, the sovereign power*), а другая — властью, ей подчиненной (*subordinata*). Легко доказать, что власть короля в парламенте является большей, чем его власть вне парламента, и что первая господствует над второй и контролирует ее. Если король делает какой-либо дар своими патентами вне парламента, то этим актом он связывает себя и своих наследников: ни он, ни его наследники теперь не могут вернуть подаренное. Но своей властью в парламенте он может отменить и упразднить этот акт, отсюда следует, что власть короля в парламенте является более высокой».

На этом выступление Дж. Уйтлока не закончилось. Он говорил о том, что судебные решения, которые по ошибке выносятся в Королевской скамье от имени короля, не могут быть изменены им лично. Апелляция по этим решениям возможна только к королю в парламенте. Поэтому именно в пределах актов и законов, которые король получил с согласия лордов и общин, он предпринимает свои действия и воплощает свою власть, что «делает эти акты самыми суверенными и верховными, стоящими выше всякой власти и не подлежащими контролю никакой иной властью». Далее юрист переходит к непосредственному перечислению прав короля в парламенте и прав короля вне парламента. Касаясь первых, он говорит: «Помимо права налагать налоги, в королевстве существуют и другие права того же характера: право издавать законы, натурализовывать иностранцев, право на прямое и произвольное правление, право выносить приговор без предварительной подачи иска, право легитимировать незаконнорожденных — все эти права принадлежат королю только в парламенте. Существуют еще права того же характера, которыми король может

⁹¹ Selden J. Title of Honour // The Works of John Selden, esq., continuing his English Tracts. L., 1724. Vol. III. P. 108-110.

пользоваться вне парламента. Они выросли из вышеупомянутых прав. «К ним относятся право натурализации иностранцев, право чеканки монеты, право начинать войну. Этими правами король пользуется испокон веку, не встречая ни сопротивления, ни ропота со стороны своих подданных»⁹².

Легко заметить, что среди прав, которыми король обладает в парламенте и вне парламента, совпадает только одно — право натурализовывать подданных. Из естественных прерогатив короны, о которых мы знаем из произведений других юристов, Дж. Уатлок оставил только два — право чеканки монеты и объявление войны. За пределами прерогативы оставлено судопроизводство, о чем говорили и помимо Дж. Уайтлока, и право вводить прямое правление, что король мог делать в военное время. Если последнее легко можно было поставить под сомнение, то исключительное право парламента издавать законы и устанавливать налоги считалось большинством юристов и парламентариев бесспорным. Именно на этих двух моментах юрист будет настаивать далее, в ходе своего выступления. Избранная Дж. Уайтлоком лексика весьма показательно демонстрирует определенную приниженность прерогативы, которой король пользуется испокон веку, по сравнению с властью короля в парламенте. Ибо в парламенте король «совершает» и «создает» (*to make*), а вне парламента только «использует», «употребляет» и «реализует» на практике (*to exercise, use, practice*) и в соответствии с «естественным устройством (*constitution*) нашего государства»⁹³. Иначе говоря, королевская прерогатива должна (так, во всяком случае, нам представляется, нужно понимать Дж. Уайтлока) действовать в рамках определенных, видимо, известных ему и его современникам правил и норм.

Перед революцией юристы, очевидно, начали склоняться к тому, что королевская власть, какие бы полномочия за ней ни признавались, может реализовываться только определенными способами или в рамках определенных процедур. На необходимости соблюдать королем установленные в праве процедуры настаивал Оливер Сент-Джон. Он говорил, что королю персонально (*de persona*) принадлежит верховная власть (*suprema potestas*). Но вот о способе (*de modo*), процедурах и правилах реализации этой власти следует порассуждать (*methods and known rules... are necessary to be observed*). Как и многие его предшественники, Сент-Джон считает, что король имеет две власти.

Первую он называет властью воли (*voluntas*), «властью внутренней, или естественной» (*potestas interna, or naturalis*). Вторую юрист именует «властью внешней, или правовой» (*externa, or legalis*). Как указали судьи Англии в годы правления Ричарда III (1484), продолжает Сент-Джон, первая власть является волей короля, выраженной в палате, а вторая — волей, выраженной в законе. Воля короля остается властью в себе, если не реализуется им через определенную процедуру. Т. е. она остается его внутренней волей, не имеющей отношения ни к благу, ни к облегчению жизни подданного (*this supreme power not working per media, it remains still in himself as voluntas Regis interna, and operates not to the good and relief of the subject that standeth in need*). Разъясняется мысль следующим образом. Например, говорит юрист, если король — как источник жизненных благ (*fountain of bounty*) — пожалует кому-либо землю, но не выдаст соответствующего патента, то земля не перейдет к держателю. Не перейдет она к нему и в том случае, если патент будет составлен не по форме, предписываемой правом.

Процедура предполагает, продолжает Сент-Джон, что когда дело касается подданных, королю следует выносить решения в одних случаях только совместно с судьями, в других — только совместно с парламентом. Скажем, не

⁹² Complete collection of State Trials... Vol. II. P. 482-483.

⁹³ Ibid. P. 483.

король, но только парламент, издав «приказ об ошибке», может облегчить участь несправедливо осужденного подданного. «Вне парламента король не может изменять старые законы, издавать новые, производить натурализации, легитимации и некоторые другие вещи»⁹⁴.

В предреволюционной Англии слово «суверенитет» нередко использовалось при характеристике французской системы правления, где власть короля, как на то указывал Томас Овербери в 1609 г., гораздо шире, чем в Англии. «Потому что король там не только заключает мир и объявляет войну, созывает и распускает парламент, прощает, натурализирует, аноблирует, определяет стоимость монеты, производит военные реквизиции, но даже (even) издает законы и устанавливает налоги по своему желанию». Это «даже» показывает, насколько французская государственная практика казалась необычной на взгляд англичанина. Обладать такими полномочиями, которые сосредоточил в своих руках французский монарх, значит, по мнению Т. Овербери, обладать полной властью, или полным суверенитетом (*entire sovereignty*). Представление о наличии полного суверенитета в руках французского короля у автора ассоциируется с обязательным ущемлением прав парламента. Французские монархи, считает Т. Овербери, приобрели эту власть при Людовике XI. И теперь король Франции может заставить парламент делать то, что он хочет, или вовсе обходиться без согласия парламента⁹⁵.

Любопытно, что подданные в конце XVI—начале XVII вв. В своих петициях нередко, называя короля сувереном, избегали тем не менее понятий «суверенитет» и «суверенная власть». Должностные лица включали эти термины в официальные документы. Но среди тех юристов общего права и парламентариев, кто выступал против расширения королевских прерогатив, достаточно явно обозначилась тенденция исключить слово «суверенитет», как иностранное и опасное, из английской правовой лексики. В частности в 1628 г. некоторые из них весьма решительно и настойчиво высказывались за то, чтобы не использовать это слово в «Петиции о праве». Эд. Элфорд, например, говорил: «Давайте посмотрим на слова и разберем, что они означают. Что такое «суверенная власть?» Боден говорит, что это такая власть, которая свободна от всяких ограничений... Так давайте дадим королю то, что право дает ему, но не более того». По его мнению, характеристика королевской власти в Англии как власти суверенной приведет к тому, что правление в стране станет правлением единоличным (*regale*) и такое правление, несмотря ни на что, будет считаться законным. Тогда как Брактон говорил, что король имеет только ту власть, которую ему дает право⁹⁶. Ему вторил Эд. Кок: «Я знаю, что прерогатива — часть права, но, по моему мнению, «суверенная власть» — это не парламентское выражение. Оно ослабит Великую Хартию Вольностей и все прочие статуты, ибо их значение абсолютно без упоминания в них о суверенной власти. И если мы сейчас добавим его, мы ослабим основания права, после чего здание неизбежно рухнет... Оставив его, мы поднимем суверенную власть над правом. Власть, основанная на праве, будет заменена властью, основанной на силе... Разве можно говорить о «суверенной власти и отстаивать наши права? Это неслыханно. Этого нет в парламентской практике. Это неслыханно»⁹⁷.

Позиция палаты общин по этому вопросу не была поддержана лордами. Лорды настаивали на включение термина «суверенная власть» в текст пети-

⁹⁴ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution... P. 111-112.

⁹⁵ Overbury T. Observations on the State of France, 1609, under Henry IV // Stuart Tracts, 1603-1693. Westminster, 1903. P. 221-223.

⁹⁶ Commons Debates 1628... Vol. III. P. 494, 502.

⁹⁷ Ibid. P. 495, 502-503, 505, 507.

ции. Председательствующий на заседаниях палаты лордов лорд-хранитель Большой Королевской Печати Томас Ковентри не раз говорил об этом Эд. Коку, которому общины поручили согласовать текст петиции с верхней палатой. Лорды не считали термин «суверенная власть» новым выражением. Кроме того, они ссылались на старые статуты, содержащие так называемый принцип *non obstante* («несмотря на»), который означал, что король в особых случаях может действовать, не считаясь с законом⁹⁸. Юристы общего права и раньше пытались сузить сферу действия этого принципа. В 1607 г. Николас Фуллер писал, что «по принципу *non obstante* король может пренебрегать статутным, но не общим правом». Принцип *non obstante* не предполагает, что король может изменять общее право⁹⁹. Г. Финч считал принцип *non obstante* одним из оснований абсолютной власти английского короля. *Non obstante* дает королю полномочия «пренебрегать статутным правом». Однако распространение данного принципа ограничено сферой королевских прерогатив. Недопустимо пренебрегать теми актами парламента, которые касаются «общего блага»¹⁰⁰. В парламенте 1621 г. Эд. Кок говорил, что записанный в патентах и хартиях принцип *non obstante* освобождает от тех законов, которые касаются прав короля (*king's right*), но не от тех, которые касаются интересов подданного. Ибо все, что касается последних, может быть изменено только актом парламента¹⁰¹. В 1628 г. Дж. Гленвилл, выступая перед лордами от имени общин, разделил все английские статуты на две части: те, которые определяют наказания за преступления, и те, как Великая Хартия, которые «декларируют и подтверждают общее право», «права и привилегии, принадлежащие подданным»; подтверждают «наследственное право, вольность и свободу подданных нашего королевства как право прирожденное и наследственное, которое вы передадите вашим наследникам и потомкам». Такие статуты он называл также «инкорпорированными» в структуру (*body*) общего права. Поэтому-то, продолжал он объяснять лордам, нижняя палата не может опираться на статуты *non obstante* при работе над петицией. А включение термина «суверенная власть» в текст петиции, предупреждал юрист членов верхней палаты, «может дать ему (королю. — С. К.) право изменить полностью устройство и структуру государства и упразднить то правление, которое делало наше королевство процветающим в течение столь многих лет и веков при царствовавших предках и предшественниках Его Величества»¹⁰².

В предреволюционной Англии сторонники расширения полномочий короны из числа юристов гражданского права и англиканского духовенства время от времени печатали трактаты и выступали с проповедями, в которых излагали свои взгляды¹⁰³. Большинство из них не вызвали сколько-нибудь широкого отклика. Но из этого правила были исключения. К одному из них мы намерены сейчас обратиться для того, чтобы показать, что споры вокруг королевской прерогативы были не просто дискуссиями среди писателей и правоведов, но фактами реальной и весьма острой идейной и политической борьбы.

В 1607 г. Джон Коуэлл, профессор римского права и вице-канцлер Кембриджского университета, член корпорации докторов римского права в Оксфорде и член «Ассоциации докторов права» в Лондоне, личный викарий и друг архиепископа Кентерберийского Ричарда Банкрофта, опубликовал сло-

⁹⁸ Ibid. P. 512, 516, 518, 565.

⁹⁹ Fuller N. The argument of Master Nicholas Fuller, in case of Thomas Lad, and Richard Maunsel. L., 1607. Цит. по: Sommerville J. P. Politics and Ideology... P. 178.

¹⁰⁰ Finch H. Op. cit. P. 82-83.

¹⁰¹ Commons Debates 1621... Vol. II. P. 387.

¹⁰² Commons Debates 1628... Vol. III. P. 565-566.

¹⁰³ См. об этом: Sommerville J. P. Politics and Ideology... P. 39-56, 115-132, 189-221.

варь юридических терминов под названием «Истолкователь». Эта публикация вызвала тогда широкий отклик. Причем отклик этот был по преимуществу резко отрицательным, а может быть, даже негодующим. Современники порицали цивилиста за его ложное, как они подчеркивали, истолкование целого ряда терминов. Список «ошибок» был довольно длинен, в нем, в частности, упоминались следующие слова: «субсидия», «парламент», «прерогатива», «король»¹⁰⁴. Понятно, что нас здесь интересуют два последних.

«Король, — писал цивилист, — ... обладает высшей властью и абсолютным правлением (highest power and absolute rule) над всей страной, следовательно, он является воплощением права... Он выше права по своей абсолютной власти (he is above the Law by his absolute power)... и хотя во имя более точного и верного способа выработки законов он допускает три сословия, а именно: лордов духовных, лордов светских и членов общин в совет, — по мнению различных ученых людей, он это делает не по обязанности, но в силу собственной мягкости или в силу присяги, принесенной в день коронации. В противном случае он стал бы подданным стоящих под ним, что невозможно..., ибо тогда нам пришлось бы отказать ему в том, чтобы стоять над правом и иметь власть отклоняться от предписания какого-либо позитивного закона и даровать особые привилегии и хартии кому бы то ни было, что является его исключительной и ясной привилегией... И хотя в день своей коронации он принес присягу не изменять законов страны, он может изменить или приостановить какой-либо специальный закон (particular lawe), который покажется ему вредным для общественного состояния (publike estate)... Он имеет по праву своей короны много прерогатив, ставящих его над любым обычным лицом»¹⁰⁵.

«Прерогатива короля, — читаем далее, — это особая власть, превосходство, или привилегия, которую король имеет в любой сфере. По праву своей короны он выше нас и других людей, выше обычного курса общего права... Только по обычаю нашего королевства он не издает законы без согласия трех сословий, хотя может принизить статус любого принятого ими закона. Я предоставляю мудрым людям решить, должно ли его право изменять законы быть ограничено или, помня о прекрасной и доброй политике, следует признать, что оно не может быть изменено без того, чтобы не вызвать опасные последствия большой силы. Но я держусь непоколебимо того, что король Англии является абсолютным королем (absolute king) по своей власти. И все образованные политики признают его право издавать законы»¹⁰⁶.

Автор словаря спустя три года, когда собралась сессия парламента, получил возможность убедиться, до какой степени он был далек от истины, сочиняя свой труд. Большинство и образованных, и тех, кто не претендовал на такое звание, членов верхней и, в особенности, нижней палаты не признали истинность его положений. Более того, они осудили Дж. Коуэлла и потребовали от короля принятия самых решительных мер против распространения книги и наказания автора. Посмотрим, чем же были недовольны коммонеры и заседавшие в нижней палате юристы общего права, имея в виду, конечно, поставленную в данной главе проблему.

Судя по тем решениям, которые приняли коммонеры, и по докладу, который сделал в палате лордов генеральный атторней королевства Генри Хобарт, и по следующему за ним обсуждению, палата общин была, в частности, недо-

¹⁰⁴ Полный список «ошибок» перечислен в документах парламента за 1610 г. См.: Proceedings in Parliament 1610... Vol. I. P. 24-25; Vol. 2. P. 39.

¹⁰⁵ Cowell J. The Interpreter, or book containing the Signification of Words. Cambridge, 1607. К. I.

¹⁰⁶ Ibid. PR.

вольна тем, что Коуэлл «ставил короля выше права», не считал последнего подчиняющимся праву (he is... not subject to law), наделял короля прерогативой издавать законы, искажал при цитировании Г. Брактон и «вредил государству» фразой, что королевская присяга не может помешать королю изменить или приостановить закон¹⁰⁷.

Видимо, не решаясь ссориться с нижней палатой в этот момент, надеясь на получение субсидии и на благоприятное разрешение проблемы воссоединения Англии и Шотландии, корона пошла на уступки общинам: было официально признано наличие ошибок в книге Коуэлла, среди которых значилось его стремление расширить полномочия королевской власти и подорвать значение права. Словарь Коуэлла был запрещен¹⁰⁸.

То, какие опасения возникали у коммонеров по поводу идей, излагаемых в книге Дж. Коуэлла и в проповедях англиканского духовенства, хорошо видно из выступления Ричарда Мартина в палате общин. Он предупреждал палату, что в Англии существуют люди, которые хотят поднять власть короля до такой степени, чтобы он «смог делать то, чего он никогда не делал в Шотландии, а его предшественники на троне никогда не делали в Англии». Они, по его мнению, хотят принизить значимость фундаментальных законов королевства и «наступить на шею общему праву» (to tread upon the neck of the common law). Книгу Дж. Коуэлла он расценил как непосредственную попытку реализовать эти идеи¹⁰⁹.

Подобного рода случаи, эпатажирующие общественное мнение, встречались и впоследствии. В 1627 г. королевский капеллан Роджер Мэнверинг произнес перед королем Карлом I две проповеди, которые были чуть позже изданы по разрешению короля в виде книги. Священник говорил о том, что всякая власть, существующая на земле, происходит от Бога. Среди различных властей королевская власть «есть самая высокая, сильная и широкая. Короли выше всех. Ибо они не подчиняются никому — ни сонмищам людей, ни ангелам, ни сообществу ангелов (order of Angels)». Короли сильнее всех, ибо никто ни в миру, ни в церкви не может наложить ограничения на их верховенство. Из всех властей власть короля самая обширная, ибо в королевских владениях все находится под их юрисдикцией и от них получают привилегии.

Действия короля направляет Бог. Поэтому любое королевское желание должно восприниматься подданными как повеление, требующее безоговорочного выполнения. Подданные не могут постигнуть замыслы короля. Им не дано проникнуть в его сердце. В том случае, когда нет никаких сомнений в том, что распоряжение короля противно Богу, подданные могут не исполнять его, но они не смеют оказывать сопротивление. Им надлежит смиренно сносить желание монарха. Терпеливо снося несправедливое повеление короля, подданные попадают в разряд «славных мучеников»; оказывая сопротивление — в разряд «гнусных предателей и нечестивых злодеев».

Кроме того, продолжал проповедник, некоторые повеления короля могут оказываться не противоречащими законам Бога, законам природы, праву наций и тексту Священного Писания, однако не согласующимися с отдельными национальными и муниципальными законами. И все они должны выполняться без всякого сомнения. Ибо государь является отцом страны, королем своих подданных, верховным главой тела, распорядителем божьего наследства (lord over God's inheritance), защитником веры. Помимо этого, король является «защитником всех людей, их жизней и состояний», а также «гарантом счастья,

¹⁰⁷ Proceedings in Parliament 1610... Vol. I. P. 24-26; Vol. II. P. 38-39.

¹⁰⁸ Sommerville J. P. Politics and Ideology in England, 1603-1640... P. 121-127.

¹⁰⁹ Proceedings in Parliament 1610... Vol. II. P. 328.

мира и процветания, которыми они пользуются, находясь под его управлением». Поэтому в случаях «крайней необходимости», как-то: «безопасность королевской персоны», «защита королевства, территорий и владений» — он имеет право требовать у подданных рельеф, помощь и поддержку¹¹⁰.

Созванный в следующем году парламент счел издание книги Р. Мэнверинга недопустимым злоупотреблением. Коммонеры создали специальный комитет по религии, который, кроме всего прочего, должен был подвергнуть книгу тщательному изучению на соответствие ее английской правовой и конституционной традиции. В состав комитета входили такие видные юристы общего права, как Эд. Кок, У. Хаквилл, Дж. Селден, Бенжамин Редьярд. Возглавлял комитет известный оппонент короны Джон Пим¹¹¹. В одном из отчетов, представленных комитетом палате, который, по-видимому, потом лег в основу ее решения, говорилось, что цель (plot) книги — «изменить и разрушить форму и устройство всего государства», ибо в ней написано о «власти, не связанной человеческим правом» (human law). Она позволяет «грабить» (rob) собственность подданных и «клеймит тех, кто не позволяет делать этого». Автор «наделяет короля правом изымать движимость подданных»¹¹². Выступая на заседании обеих палат, Дж. Пим сравнил книгу Р. Мэнверинга с книгой Дж. Коуэлла и потребовал от имени общин предать автора суду. Лорды поддержали требование нижней палаты. В результате лорд-хранитель Большой Королевской Печати Генри Монтэю перед обеими палатами вынес решение заключить королевского капеллана в тюрьму, лишить всех светских и духовных званий, запретить ему проповедовать при дворе навсегда и в течение трех лет где бы то ни было, уплатить в казну штраф в размере 1000 фунтов¹¹³.

Впрочем, усилия парламента оказались тщетны, ибо король помиловал Р. Мэнверинга. Впоследствии он даже стал епископом¹¹⁴.

В 1637 г., участвуя в разбирательстве дела Джона Гемпдена, судья Королевской скамьи Роберт Беркли доказывал, что король тождествен праву. Воспроизведем здесь его аргументацию. Судья говорил в своем выступлении, что испокон веку — до римлян и после — на острове существует монархическая форма правления. Карл I является монархом, который обладает всеми правами суверена независимого монархического государства (Our gracious sovereign is a monarch, and the rights of free monarchy appertain unto him). Монарх, считает судья, занимается управлением страны и выработкой политики. «Право, — продолжает он, — не знает, что такое тащить ярмо королевской политики». Политические соображения, вытекающие из определенных политических же ситуаций, могут служить основаниями для отказа от следования устоявшимся правовым процедурам. Например, в случае опасности, угрожающей из-за рубежа независимости страны, король вправе без согласия парламента обложить каким-либо побором подданных. Ибо «безопасность государства» не может ждать, когда парламент вотирует налог. Р. Беркли полагает, что англичанам не следует вести себя подобно древним иудеям, которые, чтя процедуру, не занимались обороной страны по субботам. И враги, воспользовавшись этим, легко разрушили их государство.

В случае необходимости английский монарх может создать закон или процедуру. «Сам по себе закон является старым и верным слугой короля.

¹¹⁰ The Stuart Constitution, 1603-1688. Documents and Commentary /Ed. by J. P. Kenyon. Cambridge, 1966. P. 14-16.

¹¹¹ Commons Debates 1628... Vol. II. P. 89; Vol. IV. P. 34,36.

¹¹² Ibid. Vol. III. P. 261; Vol. IV. P. 101-103.

¹¹³ Ibid. Vol. IV. P. 109-110, 320.

¹¹⁴ Lockyer R. The Early Stuarts. A Political History of England, 1603-1642. L., 1989. P. 137, 309.

Кроме того, закон является инструментом или набором способов, которые король использует, чтобы управлять своим народом. Я никогда не читал и не слышал, что закон был королем (*lex was Rex*). Общепринято и самое верное, что король есть закон (*Rex is lex*), поскольку он является *lex loquens* — живым, говорящим и действующим законом. А поскольку король есть говорящий закон, то можно сказать, что король определяет то, что общее право имеет в хранилище своей души (*Rex censetur habere omnia jura in scrinio pectoris sui*)»¹¹⁵. Хотя большинство судей тогда поддержало короля и Беркли, но уже через три года Долгий парламент в самом начале своей деятельности подверг их импичменту. Роберт Беркли и остальные шесть судей осуждены были именно за их позицию в деле Джона Гемпдена, которое еще называли делом о «корабельных деньгах»¹¹⁶.

Нетрудно заметить, что поборники расширения королевской прерогативы говорили не столько о том, что пренебрежение правом является нормальным способом реализации властных полномочий короны, сколько о том, что в экстремальных ситуациях, во имя общего блага король может действовать, не считаясь с нормами права. Как говорил государственный секретарь Джон Кок в парламенте 1628 г., оправдывая начавшийся двумя годами раньше «принудительный заем»: «Нужда не подчиняется закону»¹¹⁷. Сам он, однако, был весьма осторожен, утверждая, что король не посягает на правовые нормы. «Следует признать, что его (Карла I. — С. К.) правление должно соответствовать праву. Мы не можем не помнить того, что говорил его отец. «Тот не король, но тиран, кто правит, не считаясь с законом». Управление нашего королевства должно согласовываться с общим правом»¹¹⁸.

Дадли Диггес в том же парламенте утверждал, что пренебрежение законом со стороны королевской власти и введение прямого налогообложения неизбежно превратят англичан в рабов (*slaves*) и нанесут урон процветанию государства. Ибо отсутствие свободы лишит англичан храбрости и отваги — качеств, которые способствуют, полагает он, усилению и обогащению подданных и страны. «Король, власть которого не ограничена, управляет рабами. И они не могут угодить ему. Так происходит в Турции и Египте. Я знаю по опыту, что нет процветания там, где сбор денег с подданных идет вразрез закону. Московиты настолько сделали пугливы из-за произвольных команд, что я могу рассказать о случае, когда несколько англичан и шотландцев рассеяли — я не знаю сколько тысяч — их лучших кавалеристов по полю. Жители Нидерландов бедны на земле, где с ними поступают так же, но мы видим, что в море, которое дает им богатства, они показывают себя храбрецами. Принижая нас, король наш может потерять больше»¹¹⁹.

Аноним, написавший диалог об английском парламенте, полагает, что пренебрегающая законом королевская власть становится властью тиранической¹²⁰.

Легко можно прийти к заключению, что любая попытка править, не соглашаясь с установленным законом, ассоциировалась у англичан с поведением на острове норманнских завоевателей, со стремлением установить в стране тиранический режим, лишить их достоинства и превратить в рабов. Это важно, ибо доказывает, что в сознании жителей Англии сложилась совершенно определенная аксиологическая шкала для оценки действий королевской власти.

¹¹⁵ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution... P. 120-122.

¹¹⁶ Zagorin P. The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution. N. Y., 1970. P. 210.

¹¹⁷ Commons Debates 1628... Vol. II. P. 65.

¹¹⁸ Ibid. Vol. III. P. 126.

¹¹⁹ Ibid. Vol. II. P. 71.

¹²⁰ A dialogue between Phileleuteros... P. 166.

Подведем итоги. Работы и отдельные высказывания политических писателей, государственных деятелей, юристов общего и гражданского права позволяют, думается, говорить о существовании в предреволюционной Англии двух направлений политико-правовой мысли, одно из которых весьма условно можно назвать как абсолютистское, а второе — как противостоящее ему. Данная дифференциация, на наш взгляд, действительно условна. Ибо описание королевской власти, ее прерогатив у большинства авторов содержит столько общих характеристик и лексических параллелей, что выделенные направления предстают, скорее, как определенные политические и идейные тенденции. Они имеют общий источник — средневековые политико-правовые представления о Боге, праве, короле и т. п. Видится нам, и отчетливо, как показал случай с Дж. Коуэллом, виделось современникам, что эти тенденции двигались в противоположных направлениях. Однако вплоть до начала революции они не успевают, как представляется, превратиться в оппозиционные доктрины. Традиционная система ценностей раскалывалась. Но дрейф отдельных ее компонентов в разные стороны, комплектование из них самих или из идей от них производных, но одновременно измененных до неузнаваемости новых систем, был отнюдь не быстр. Компромисс, о возможности которого пишет Г. Берджес, на самом деле был исключен. По простой причине: рушилась старая система ценностей со старыми представлениями о королевской власти. Наши авторы и участники дискуссий, эмпирически создававшие новое, выбирали для себя из старого материала разные фрагменты. Одни предпочитали те, на которых было начертано «королевская воля» и «суверенная власть», а вторые — «право», «вольности» и всевозможные ограничения. Несмотря на их кажущуюся совместимость, они, как покажет недалекое будущее, при данных исторических обстоятельствах были полностью несовместимы. Ибо первые полагали, что во имя общего блага и государства король может не считаться с законом, тогда как, по мнению вторых, только право и процедура служат гарантом общему благу. Королевская прерогатива, права и вольности подданных, как части права, должны находиться в согласии друг с другом и с его нормами. И это при том, что в предреволюционной Англии очень редко говорили о народе как источнике власти. Но революция вспомнит и «о народном суверенитете». И если с общим правом расширяющаяся королевская прерогатива хоть как-то совмещалась, то с идеей народного суверенитета совместить ее не окажется никакой возможности.

Однако это все в будущем. У наших авторов было настолько много общего (особенно у членов цеха юристов), что, отметив интенционное различие в их взглядах, хочется вновь и вновь его оговаривать.

SUMMARY

The paper analyses the comprehension of royal authority in pre-revolutionary England. Basing upon the treatises of common lawyers (E. Coke, F. Bacon, W. Lambarde, T. Ellesmere, J. Selden, H. Finch, W. Noy, W. Staunford), the records of State trials and Parliamentary proceedings the author states that at the end of the sixteenth century in England it was possible to define two trends of the political and legal idea. At the same time both trends in terms of description of royal prerogatives demonstrate a lot of parallel and similar approaches to them and a common source, i. e. middle aged understanding of God, King and Law. Some lawyers believed that the law gave the king the right to do whatever he considered to be necessary to provide security and welfare of his subjects. The others asserted that, although the king possessed a large number of prerogatives, his prerogatives were none other than the rights given him by the law. In other words, in the pre-revolutionary time the two trends did not appear opposite doctrines yet.